

Кузьмичева Мария Александровна, группа 2-ИД-41.

Каролина Стил Агоста (1958 -)

Виолончель, стандарт.

Джек наблюдал за тем, как Валери собирала вещи в дорогу. Тяжелые и грубые – в вещевой мешок. Аккуратно сложенная одежда укладывалась вместе с виолончелью. Валери заполняла щели скрученными носками и тонкими трусиками, подбивала гриф и хвостовую часть блузками и свитерами.

- Я бы хотел, чтобы ты позволила мне поехать с тобой, – сказал он.

- Нет. Я слишком волнуюсь, - она снова напевала: Сюита Баха Номер 1, Прелюдия. Невнятно, порывисто; плавно и глубоко: все эти моменты она отработывала снова и снова на протяжении последнего месяца.

- Все у тебя будет хорошо, - сказал он. - Ты – сокровище для любого мероприятия.

- Точно. И все остальные студенты могут звать меня Бабулей, - хмурясь, Валери сунула свой костюм для прослушивания в сумку с одеждой. Темно-синий шелк казался чертовски благопристойным, пока она не вытянула свои ноги к виолончели, и скрытые разрезы не обнажили ее стройные голени и изящные ступни с высоким подъемом. – Кроме того, - добавила она, - я хочу, чтобы Хопалонг (снова) сидел на сиденье передо мной, - она погладила виолончель, на мгновение нежно коснувшись ее изгибов.

Чехол от виолончели распахнутый лежал поперек их кровати, красная бархатная подкладка ярко контрастировала с белым покрывалом, сама виолончель светилась глубоким бурым цветом. Уже год Джек делил свое жилище с этим существом, «живым деревом», и с Валери, такой теплой, яркой и живой.

- Я нужен тебе, - сказал он, сжав кулаки в карманах своих брюк. – Хотя бы, чтобы помочь с багажом. Делать кофе, массаж. (Или нечто вроде) твоей собственной группы поддержки.

Валери перестала заниматься своими делами и взобралась к нему на колени. Усевшись, она обвила руки вокруг его шеи.

- Я вернусь, ты же знаешь. Еще до того, как ты успеешь по мне заскучать.

- Я уже скучаю. Кроме того, они примут тебя, и ты останешься, - Валери пыталась покачать головой, но Джек держал ее крепко. – Да, примут. Ты занималась так усердно. Ты очень серьезно относишься ко всему этому. Они не могут не взять тебя.

Она поцеловала его. Губы, подбородок, его закрытые веки.

- Ты очень милый, - сказала она. - Но, ради Бога, повзрослей.

Они познакомились в музыкальном магазине. Валери взвешивала преимущества электро-виолончели Ямаха для путешествий.

- Весит меньше десяти фунтов, - уверял ее продавец, – даже вместе с кейсом. И вы сможете взять ее куда угодно.

Он установил виолончель, подключил ее к сети. Без деревянного корпуса все, что осталось: гриф, его головка и изгибающиеся боковины балансировали между бедрами виолончелистки и краем сиденья.

- Будто молящийся богомол, - пошутил Джек, (мгновенно) забыв о том, что он вовсе не подслушивал, надеясь преодолеть пропасть между классикой и роком, между виолончелистом и ударником, между инь и янь.

Валери улыбнулась и провела смычком по струнам, сыграв несколько нот Верди.

- Неплохой, глубокий звук, - сказала она. – Мне нравится. Хорошие обертоны. Но не для меня.

- Может, стоит купить ее, - настоял он. – Если тебе придется ездить на занятия туда-сюда на автобусе, эта виолончель избавит тебя от лишних проблем. *(кто это говорит?)*

- Нет, я так не думаю. Легче – не всегда лучше, – она подбросила и поймала свои ключи. Ее хвост выбивался из-под бейсболки с надписью «Бах мой кореш». Джек закрыл глаза, представляя себя, обвивающего руку вокруг этого хвоста, поворачивающего ее лицо к себе для поцелуя.

Он снова открыл свои глаза, увидев ее улыбающуюся, словно она прочла его мысли.

- Некоторые вещи не должны быть легкими, - она дразнила, находясь так близко, что он мог чувствовать запах ее духов. – Некоторые вещи должны быть реальны.

Джек сводил ее на серию обедов, потом на концерт, и, наконец, уложил в постель. Перед тем, как они впервые занялись любовью, она вытянула руки вдоль своего тела, медля, лаская себя. «Пиццикато» - прошептала она и облизала свои пальцы. С жадностью вобрала свой собственный сок перед тем, как позволила ему отведать себя...

Джек проснулся среди ночи. Постель со стороны Валери была холодная, и он смог услышать звук бегущей воды в ванной. Должно быть, она не смогла заснуть – чехол виолончели лежал на ковре открытый, и она точно перекладывала свои вещи – блузку заменил кашемировый шарф, голубые кружевные трусики были обернуты вокруг смычка. Ее счастливые трусики – всегда говорила Валери. Она верила в удачу. Интуиция, счастливый шанс, предчувствие. Она даже вымыла свою машину днем, так, на всякий случай. «На случай чего?» - спросил Джек, догадываясь, и она ухмыльнулась.

- Что, если директор случайно увидит меня, когда я буду выходить из своей машины перед прослушиванием? Он может сказать: «Что за чистая машина! Я хочу, чтобы эта девушка занималась у меня!», - потом ее улыбка исчезла и Валери пожала плечами. – Нужно попробовать. Даже если шансы малы.

- Ты сделаешь это, - снова уверил ее Джек.

- Может, нет. Быть может, мы с Хопалонгом будем спускаться все ниже, пока не достигнем самого дна и, ну, ты знаешь, будем давать уроки. Это будет полный отстой, - ее интонация была веселой, но, когда Валери повернулась, Джек увидел слезы.

Все зависело от этого прослушивания. По крайней мере, она так думала, он знал. Для нее не существовало ни другого плана, ни выбора, никакого пути к отступлению. Его тошнило, живот прилип к спине. Если она пройдет по этой программе, то переедет в Бостон. Он последует за ней, разумеется. Хороший ударник всегда сможет найти себе работу. Но в Бостоне, в этом богатом окружении она отдастся от него, (он станет менее значим). Это будет случай противостояния классики и современности, Бах против рока. Она станет серьезнее, еще больше посвятит себя своему искусству. Теперь он видел это, словно пророчество. Если она получит эту работу – то покинет его. Это была виолончель, эта чертова огромная деревянная *биип* между ее ног! Она даже не была классической или антикварной, совершенно обыкновенная виолончель из каталога. Валери была не в состоянии позволить себе больше. Он вспомнил ночь, в которую они впервые занимались любовью, когда она сводила его с ума своими прикосновениями, ласкала его до дрожи, играла на нем, пока он не достиг крещендо. И, после всего этого, пока он лежал на остывающих простынях, она ушла в гостиную, и он нашел ее там, обнаженную, в лунном свете играющую Вивальди. После этого у него не было выбора.

Обрывок голубых кружев привлек внимание Джека, и он отмотал трусики от смычка. Поднес их к своему лицу и ее аромат наполнил все его существо. Он все еще мог слышать, как вода бежит в душевой, и голос Валери, напевающей открытые ноты Сарабанды в До Мажоре. Он быстро освободил виолончель от одежды, достал из чехла и сжал ее в руках. Если надавить совсем немного, чуть-чуть – дерево треснет. Никто не узнает. Она достанет его, чтобы немного разогреться перед просмотром, и услышит, как воздух тихо выйдет сквозь сдавленные легкие виолончели. И она потеряет уверенность. Это будет заметно в ее глазах, как у Саши Коэн перед первым выступлением на Олимпийских Играх. Абсолютная уверенность, предзнаменование того, что она провалится. Валери вернется домой с просмотра абсолютно разбитая, но он сделает это для нее. Он любит ее достаточно, чтобы сделать это. lexical

В одной руке он все еще держал ее трусики. В них она была в день их первой встречи - поэтому она говорила, что они счастливые. «Кто бы мог подумать», - говорила она, - «что мы найдем друг друга среди всех людей в мире? Это было предназначено судьбой». Он держал ее трусики и ее виолончель. Одно мгновение раздумий, одно принятое решение, одна расколотая секунда, которая может изменить его жизнь навсегда.

- Ох!

Валери стояла в дверях ванной комнаты, замотанная в полотенце. Она стояла совершенно неподвижно, воспринимая происходящее. Он еще ничего не сделал, но в этот момент безупречной прозрачности, собственного исполнения своего предсказания и чистой неудачи, он знал, что она знала то, что она знала. И он знал, что все кончено.

Очень удачно! Есть небольшие погрешности, в конце появились смысловые ошибки, но в целом – все уверенно, точно, и синтаксически почти безупречно.